

Динамика социальной системы раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по археологическим материалам)*

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Dynamics of Early Medieval Turks' Social System in the Altai-Sayan Region and Central Asia (Based on Archaeological Materials Study)

N.N. Seregin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен опыт реконструкции динамики социальной системы раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Основой для исследования послужили материалы раскопок погребальных комплексов 2-й половины V–XI вв. н. э. Итоги изучения захоронений скоррелированы со сведениями письменных источников о ключевых сюжетах социально-политической истории кочевников. Анализ погребений раннесредневековых тюрков демонстрирует постепенное повышение уровня консолидации социума nomadов уже на ранних этапах развития культуры, что отразилось в усложнении обрядовой практики и ее стандартизации. Особым этапом социогенеза кочевников стал период зависимости от Китая после крушения Восточного каганата (630–682 гг.). Изменения социально-политической организации раннесредневековых тюрков, происходившие в это время, обусловлены процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Наивысший уровень развития общества nomadов связан с существованием Второго Восточно-Тюркского каганата (682–744 гг.), о чем свидетельствуют многочисленные погребальные памятники Алтае-Саянского региона, мемориальные комплексы Монголии, а также письменные источники.

Ключевые слова: раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, Центральная Азия, социальная история, археологические памятники, письменные источники, реконструкция.

The article concerns the dynamics of early medieval Turks' social system in the Altai-Sayan region and Central Asia. The paper is focused on the research of excavation materials of burial grounds dated from the second half of the 5th century to the 11th century A. D. The findings of cemeteries excavations were compared to the data from written sources on key events of nomad's political and social history. The analysis of early medieval Turks' burial grounds showed gradual increase of nomadic society consolidation already at early stages of the culture development which was reflected in more complicated and harmonized mortuary rites. The period of dependence on China after the collapse of East Khaganate (630–682) became a special stage of nomad's sociogenesis. Changes of early medieval Turks' political and social organization, occurring at that time, were caused by "embedding" process in the administrative system of the Celestial Empire. The highest level of nomad's society development was achieved at the time of the Second East Turkic khaganate (682–744) which is indicated by numerous burials of the Altai-Sayan region, memorial complexes of Mongolia, as well as by written sources.

Key words: early medieval Turks, the Altai-Sayan region, Central Asia, social history, archaeological sites, China, written sources, reconstruction.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-27

---

* Работа выполнена в рамках Программы стратегического развития Алтайского государственного университета на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2014.312.2.9).

Изучение социальной истории кочевников Евразии достаточно давно стало самостоятельным направлением исследований. К настоящему времени подготовлено значительное количество обобщающих работ фундаментального характера, посвященных анализу общественного устройства объединений кочевников различных хронологических периодов. При этом проблемным аспектом большей части публикаций в рамках данной тематики остается полное отсутствие или фрагментарность наблюдений, связанных с реконструкцией динамики социальных систем кочевников. Вместе с тем важность исследований в указанном направлении не вызывает сомнений. Именно определение механизмов и направлений эволюции социальных институтов и структур позволяет корректно оценить особенности процессов социогенеза конкретного общества скотоводов, а также выявить движущие силы зафиксированных изменений.

В социальной истории раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии представляется возможным выделить несколько основных периодов, характеризующихся различным уровнем консолидации кочевников, дифференциации общества, степенью политической самостоятельности кочевников и др.:

- 1) докаганатский период (до 552 г.);
- 2) период Первого каганата (552–630 гг.);
- 3) период зависимости от Китая (630–682 гг.);
- 4) период Второго каганата (682–744 гг.);
- 5) период существования тюрков в составе каганатов уйгуров и кыргызов (2-я половина VIII–XI вв.) [1, с. 129].

Корреляция сведений письменных и археологических источников позволяет с различной степенью детализации охарактеризовать уровень развития социума кочевников на каждом из обозначенных этапов. Учитывая ограниченный объем публикации, кратко представим опыт интерпретации имеющихся материалов.

Как известно из китайских династийных хроник, в 460 г. произошло переселение определенной группы населения, легендарных «500 семейств Ашина». Вероятно, данная акция не была единичной в политике жужаней, и подобные спланированные перемещения племен носили системный характер [2, с. 23]. После переселения семейства Ашина сумели не только адаптироваться в новых условиях, но и консолидировать вокруг себя местных кочевников, создав мощное объединение, способное спустя столетие коренным образом изменить политическую ситуацию в степи. Данный этап социогенеза раннесредневековых тюрков в наименьшей степени обеспечен источниками и материалами, однако значение его трудно переоценить — именно в это время закладывались основы нового общества и предпосылки образования одной из крупнейших кочевых империй региона.

Сведения письменных источников не позволяют точно локализовать территорию, где происходило смешение семейств Ашина с местным населением и формирование этноса и культуры тюрков, называя лишь Алтай с возможностью широкого толкования. Однако, судя по имеющимся археологическим материалам, это была территория Горного Алтая, на которой раскопаны на сегодняшний день наиболее ранние археологические комплексы культуры раннесредневековых тюрков, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.) [3–5].

В распоряжении исследователей в настоящее время нет материалов, позволяющих определить уровень социального развития и политической консолидации «500 семейств» Ашина до переселения их на Алтай. Перспективы получения такой информации связаны с проведением системных раскопок на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна), с определенной долей вероятности обозначаемой как регион первоначального формирования рассматриваемой группы населения (ганьсуйско-гаочанский этап ранней истории тюрков) [6]. Пока же имеет смысл обратиться к археологическим материалам Алтая предтюркского времени. Целесообразность такого экскурса определяется тем несомненным влиянием, которое оказали местные кочевники на пришлые племена. Сравнительный анализ результатов исследования памятников Алтая 2-й половины IV–V вв. (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры) и кызыл-ташского этапа тюркской культуры показал определенную степень генетической преемственности между данными группами населения, проявившуюся главным образом в предметном комплексе и в меньшей степени — в погребально-поминальной обрядности [5]. Кроме того, материалы раскопок памятников кудыргинского этапа (2-я половина VI — 1-я половина VII в.) показывают, что часть населения булан-кобинской культуры Алтая была включена в военные операции тюрков середины VI в. [7].

Погребальные комплексы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры исследованы на некрополях Верх-Уймон, Катанда-I, Чендек, Яломан-II, Дялян, Кок-Паш, Верх-Еланда-II, Усть-Бийке-III. Захоронения 2-й половины IV–V вв. на обозначенных памятниках, расположенных в различных частях Алтая, характеризуются высокой степенью варибельности зафиксированных показателей погребального обряда, что, вероятно, отражает существование локальных групп населения (небольших племен или кланов) [8]. Выделяются погребальные комплексы местной элиты, а также захоронения воинов, демонстрирующие достаточно высокий уровень милитаризации кочевников региона. В целом, племена, населявшие Алтай в предтюркское время, представляли собой сложную общность, своего рода конфедерацию, характеризующуюся многоуровневой структурой. Судя по всему, переселение семейств

Ашина произошло как раз в то время, когда местное население, находившееся на довольно высоком уровне развития, не было консолидировано.

Далее обратимся к возможностям социальной интерпретации археологических материалов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры раннесредневековых тюрок (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.). Погребения этого периода, раскопанные на некрополях Усть-Бийке-III, Яконур, Верх-Еланда-I, Ороктой, Боротал, Узунгал-I, гораздо менее представительны в количественном отношении. Кроме того, известна серия ритуальных объектов, хронология значительной части которых в связи с отсутствием датированных материалов установлена предварительно на основе зафиксированных конструкций. Результаты раскопок погребальных комплексов Алтая кызыл-ташского этапа демонстрируют сравнительно низкий уровень социальной дифференциации оставившего их населения. Памятники немногочисленны и разрознены, характеризуются вариабельностью норм обрядовой практики. Следует отметить наибольшую простоту в оформлении погребальных конструкций. Вместе с тем к середине VI в. происходит сложение стандарта погребальной практики, характерной для дальнейших этапов развития археологической культуры раннесредневековых тюрок. Кроме того, появляются погребения профессиональных воинов, отличавшиеся представительным набором предметов вооружения.

В целом, обозначенные археологические материалы вполне адекватно отражают период становления традиций новой общности, постепенной консолидации кочевников и сложения многокомпонентного политического и социального образования. Последующие этапы социогенеза раннесредневековых тюрок происходили уже не только на Алтае — в них, помимо соседних кочевых племен, были включены значительные группы населения на отдаленных территориях.

Одним из ключевых событий раннесредневековой истории Центральной Азии стало создание в 551–552 гг. Первого Тюркского каганата, объединившего большое количество разноэтничных племен. Перипетии политической истории тюрок, связанные с формированием кочевой империи, активной военной экспансией и внутренними междоусобицами, представлены в письменных источниках и достаточно подробно рассмотрены исследователями. Период гегемонии номадов продолжался недолго. Крушение восточной (центрально-азиатской) части политического объединения тюрок произошло в 630 г. В 650 г. в результате похода китайского экспедиционного корпуса было ликвидировано последнее тюркское владение в Алтайских горах, основанное Чеби-каганом.

Анализ сведений письменных источников, а также рассмотрение общей логики развития кочевой империи позволяют утверждать, что основным направле-

нием эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок во второй половине VI в. стало ее усложнение за счет включения многочисленных племен и групп населения в результате активной военной экспансии номадов. Судя по имеющейся информации, в ряде случаев тюрки не меняли основ организации подчиненных социумов, в том числе сохраняли местную элиту, однако оставляли наместников на покоренных территориях. Кроме того, важным процессом стало усиление консолидации собственно тюркского социума в условиях необходимости контроля подчиненных племен, и при этом неизбежность дисперсного расселения немногочисленных кочевников, вынужденных удерживать обширные территории.

Археологические материалы иллюстрируют эти и другие процессы лишь отчасти. Основной характеристикой погребальных и «поминальных» памятников эпохи Первого каганата является их немногочисленность, на первый взгляд идущая вразрез с логикой исторических событий. Действительно, период высшего могущества раннесредневековых тюрок, распространивших свою власть на значительные территории, обеспечен археологическими материалами крайне скудно. Вместе с тем, погребальные комплексы, а также, в меньшей степени, объекты поминального характера, имеют большое значение как для подтверждения сведений письменных источников, так и для конкретизации отдельных аспектов социальной истории номадов.

Большая часть погребальных комплексов раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата раскопана на территории Алтая [9–11]. Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры, но и как базы для первых военных походов кочевников. За пределами Алтая захоронения кочевников 2-й половины VI — 1-й половины VII в. довольно немногочисленны [12; 13, с. 33–36, рис. 35–38; 14]. Особая группа погребений эпохи Первого каганата, демонстрирующая сложение локального варианта культуры раннесредневековых тюрок, исследована на территории Минусинской котловины [15–17].

Относительная немногочисленность погребений раннесредневековых тюрок 2-й половины VI — 1-й половины VII в., в некоторой степени понятная для предшествующего периода (формирование культуры, становление традиций обряда и др.), сложно объяснима для комплексов эпохи Первого каганата, отражающих историю общности кочевников в период ее наивысшего развития. Нельзя исключать, что памятники данного этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае главным образом следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрков, датируемых 2-й половиной VI — 1-й половиной VII в., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Возможно, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть кочевников на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов — кенотафов, а также каменных оградок, по ряду показателей напоминающих «символические» погребения [18].

Материалы раскопок погребальных комплексов эпохи Первого каганата демонстрируют общее усиление социальной дифференциации общества раннесредневековых кочевников. Фиксируются как захоронения с весьма скудным инвентарем, так и объекты, предметный комплекс которых отражает достаточно высокое прижизненное положение умершего человека. Среди престижных категорий изделий из отдельных погребений отметим поясные наборы, а также украшения конского снаряжения. Показателем динамики структуры общества раннесредневековых тюрков стало распространение захоронений профессиональных воинов, в которых зафиксирован представительный набор вооружения.

Иллюстрацией усложнения общества кочевников является формирование «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков. Это демонстрирует продолжающиеся процессы сложения общности кочевников [7]. Особое значение в этом плане имеет то, что одним из компонентов локального варианта на Среднем Енисее были, судя по имеющимся материалам, носители традиций булан-кобинской культуры Алтая предтюркского времени, ставшие, таким образом, частью этносоциального организма. Детализация этих процессов затруднительна в связи с ограниченностью археологических комплексов, однако возможно предположить, что на подобных периферийных территориях устанавливались формы социальной и политической организации, схожие с таковыми в центре каганата.

Несмотря на обозначенные процессы развития общества раннесредневековых тюрков эпохи Первого каганата следует признать, что большая часть погребений 2-й половины VI — 1-й половины VII в. принадлежит рядовым членам социума. Некоторую информацию об элите кочевников данного периода предоставляют материалы исследований мемориальных комплексов на территории Монголии. Такого рода объекты, относящиеся к эпохе Первого каганата, весьма немногочисленны и изучены далеко не полно, однако, очевидно, что они представляют

собой важный источник для реконструкции особенностей развития социальной системы раннесредневековых тюрков.

Судя по имеющимся материалам [19, с. 27–30; 20, с. 33–66], мемориальные комплексы Монголии 2-й половины VI — 1-й половины VII в. представляли собой довольно сложные и масштабные сооружения, включавшие такие конструктивные элементы, как вал, ров, каменная насыпь, ряд балбалов, а также остатки своего рода храмов, от которых сохранились многочисленные обломки черепицы и основания деревянных колонн. На Бугутском комплексе, относящемся к рассматриваемому периоду, зафиксирована стела с надписями на согдийском языке и санскрите, демонстрирующая следующие уровни социально-политической иерархии кочевников: каган, его сородичи, шадапыты, тарханы, куркалыны, тудуны, конные воины, народ в целом [21, с. 132]. Обозначенный памятник демонстрирует и другие важные сюжеты социальной истории кочевников — включение согдийцев в политическую систему Первого каганата, проникновение буддизма в тюркскую среду в VI в., а также возможное влияние Китая на общественную систему кочевников.

Таким образом, социальная организация раннесредневековых тюрков в эпоху Первого каганата предстает как сложная система, включающая различные компоненты. Археологические материалы отражают процессы динамики общества кочевников крайне фрагментарно, однако дополнение этих отрывочных данных сведениями письменных источников позволяет сформировать более или менее объективную картину развития социума кочевников.

Следующим периодом в истории раннесредневековых тюрков, который также можно рассматривать как особый этап социогенеза кочевников, является время их зависимости от Китая после крушения Восточного каганата в 630 г. Изменения социально-политической организации кочевников, происшедшие в этот период, связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Из династических хроник известно, что, согласно решению императора, тюркам было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальних военных походов [22, с. 256–258]. Эта информация находит подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Тюркского каганата и сообщающих, что кочевники «стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «пятьдесят лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» [23, с. 37; 24, с. 39–40]. Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось созданием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников [25, с. 22–23; 26, с. 230]. При этом

сохранялось значение и высокое положение представителей прежней элиты кочевников, получивших соответствующие должности [27, с. 115].

Имеющиеся источники не позволяют подробно рассмотреть изменения социальной системы раннесредневековых тюрков в период зависимости от Поднебесной империи. При оценке этих процессов следует учитывать, что тесное и разноплановое взаимодействие с Китаем к этому времени имело уже давнюю историю. К примеру, показательна активная внешняя политика правителей династии Суй, состоявшая в целенаправленной системе подкупов-подарков представителям элиты номадов, заключении междинастийных браков и др. Не меньшее значение имело проникновение в среду кочевников (причем здесь уже имеются в виду не только представители высших слоев общества) различных элементов китайской культуры [26, с. 162–163, 182]. Весьма ярко и образно влияние Поднебесной империи отражено в рунических текстах VIII в., сообщающих о «коварных, хитрых и склонных к обману» чужеземцах, а также о «сладких речах и мягких шелках», которые обрекли на гибель тюркский народ [23, с. 34–35; 24, с. 36, 39]. Поэтому, учитывая обозначенные факторы, представляется возможным утверждать, что коренной перестройки социальной системы раннесредневековых тюрков в 630–679 гг. не произошло; принципиальные изменения наблюдались скорее в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Судя по всему, на окраинах кочевых империй, в том числе на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена номадов сохранили значительную степень независимости, находясь на удалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров.

До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрков на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. — Шороон Дов [28] и Шороон Бумбагар [29]. Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в археологии раннесредневековых тюрков, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдель-

ной работы. Вместе с тем уже сейчас можно выделить основные черты данных объектов, позволяющие раскрыть некоторые сюжеты истории номадов. Материалы раскопок памятников не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по сути являются скорее китайскими, чем тюркскими. Конструктивные особенности объектов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге, две боковые ниши, заложенные кирпичами или каменными плитами), глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. — все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар [29, рис. 58]. Датировка рассматриваемых комплексов может быть определена достаточно уверенно в рамках 2-й половины VII в. На это указывает как предварительный анализ китайской надписи, зафиксированной в ходе раскопок [28, с. 256], так и время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Таким образом, результаты исследования «элитных» комплексов Монголии 2-й половины VII в. в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках и в общем виде представленную выше. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии областей, населенных кочевниками, но находившихся под управлением императоров Поднебесной империи. Более точно ответить на вопрос — были ли это китайские чиновники или принявшие китайские традиции погребального обряда тюрки — позволит дальнейшее изучение эпитафии из мавзолея Шороон Дов, а также исследование других подобных объектов.

Политическая зависимость раннесредневековых тюрков от Китая продолжалась сравнительно недолго. В 679–689 гг. кочевники в результате упорной борьбы восстановили каганат. Наивысшие подъемы политического могущества Второго Тюркского каганата относятся к 691–716 и 721–734 гг. [30, с. 101, 109]. При этом непродолжительное время существования кочевой империи (до 744 г.) было наполнено постоянными военными столкновениями практически на всех направлениях — как с другими кочевыми племенами, так и с Китаем. Несмотря на короткие периоды стабильного развития, именно в это время в каганате сложились те формы организации общества, которые наиболее подробно известны из рунических текстов. Различные стороны социальной организации номадов Второго Тюркского каганата по письменным источникам неоднократно рассматривались исследователями, поэтому имеет смысл обратиться к более

фрагментарно изученным в этом отношении археологическим материалам.

К периоду существования Второго Тюркского каганата относится большая часть исследованных погребальных комплексов, предоставляющих значительный объем информации для реконструкции различных аспектов социальной истории кочевников. Материалы раскопок памятников этого периода демонстрируют наивысшую степень сложности общества по сравнению с захоронениями предшествующего времени. Погребальные комплексы последней трети VII — 1-й половины VIII в. отражают существование различных слоев населения, развитие гендерной, возрастной и профессиональной дифференциации социума кочевников. По сути, большая часть наблюдений и выводов, сделанных в области исследования структуры и организации общества раннесредневековых тюрков по материалам погребальных комплексов, основана на результатах анализа памятников данного периода.

Важным показателем развития общества раннесредневековых тюрков, которое наглядно демонстрируют материалы погребальных комплексов эпохи Второго Тюркского каганата, является дифференциация социума, связанная с неодинаковым «статусом» племен кочевников, проживавших на различных территориях. Вероятно, такая ситуация была обусловлена сложным этническим составом общности кочевников в рассматриваемое время. Так, наиболее «элитные» погребальные комплексы 2-й половины VII — 1-й половины VIII в. раскопаны на территории Алтая [31–33]. Серия сопоставимых объектов, материалы которых, однако, несколько менее представительны, исследована в Туве и Монголии [34–36]. В период существования Второго Тюркского каганата наиболее полно раскрывается периферийный характер развития общности кочевников на территории Минусинской котловины. Показателем такой ситуации является почти полное отсутствие в погребениях «престижных» категорий предметов, в том числе импортных изделий. Вместе с тем в указанном регионе также существовала местная элита, наличие которой демонстрируют материалы раскопок отдельных комплексов [37].

К периоду существования Второго Тюркского каганата относится большая часть мемориальных комплексов знати, исследованных на территории Монголии. По наблюдениям В.Е. Войтова [19], материалы исследований этих памятников отражают дифференциацию элиты кочевников, о чем свидетельствует вариабельность фиксируемых конструктивных элементов сложных сооружений. Такая ситуация подтверждается сведениями о титулатуре кочевников, приведенными в тюркских рунических текстах, которые обнаружены на отдельных мемориальных комплексах. Рассматриваемые памятники демонстрируют сохраняющееся влияние культуры Китая на элиту ран-

несредневековых тюрков. Хрестоматийными можно считать сведения о том, что, по крайней мере, в сооружении нескольких объектов приняли участие китайские мастера [23].

Увеличение количества мемориальных комплексов знати, расположенных в центре каганата, является не только показателем развития общества кочевников и усложнения структуры социума кочевников, но также демонстрирует рост числа представителей высших уровней военно-политической иерархии. Процесс «перепроизводства элиты» — явление, известное не только для тюрков, но также и для других кочевых империй Центральной Азии [38, с. 58] — мог стать одной из причин кризисных явлений, приведших к крушению Второго каганата.

После падения каганата в 744 г. раннесредневековые тюрки не исчезли, а вошли в состав политических объединений уйгуров (745–840 гг.) и кыргызов (840 — около 950 гг.). Политическая и социальная общность кочевников была разрушена. Номады продолжали существовать в виде обособленных групп, статус которых определялся степенью включения территории, на которой они проживали, в бурные процессы борьбы за гегемонию в Центральной Азии. Так, Монголия, Тува и Минусинская котловина были регионами, в которых в разное время располагались политические центры уйгуров и кыргызов, поэтому возможности развития общества тюрков в указанных областях были весьма ограничены. Значительно большей степенью самостоятельности обладали номады Алтая, не вовлеченные в перипетии перманентного противостояния кочевых племен в последней четверти I тыс. н. э. Судя по всему, обозначенный регион не вошел в состав Уйгурского каганата и был присоединен к государству кыргызов лишь номинально [39, с. 292–293].

Данная ситуация в полной мере находит подтверждение в археологических материалах, которые в условиях почти полного отсутствия письменных источников по истории тюрков 2-й половины VIII–XI вв. становятся основой для наблюдений о специфике развития общества кочевников. Именно на территории Алтая в рассматриваемый период исследована большая часть известных погребальных и поминальных памятников. Важным показателем является сохранение в указанном регионе местной элиты, что демонстрируют материалы раскопок серии «богатых» погребений [9]. В этих и других захоронениях обнаружены «престижные» категории материальной культуры, в том числе предметы импорта. Вместе с тем памятники, исследованные на территории Алтая и в сопредельных регионах, отражают процессы «размывания» общества тюрков, влияния со стороны других групп кочевников и постепенного упадка рассматриваемой общности кочевников. Показателем этих процессов можно считать как новации в предметном комплексе, так и отдельные изменения, фиксируемые в погребальной

обрядности. Частным примером является распространение на территории Алтая, Монголии и Тувы «одиночных» погребений (без лошади) и скальных захоронений, часть из которых относится к поздним этапам истории раннесредневековых тюрков.

Последние сведения о тюрках в письменных источниках относятся к 941 г., когда они упоминаются среди племен, создавших Караханидский каганат [30, с. 110]. В целом, X–XI вв. являлись периодом постепенного затухания традиций культуры раннесредневековых тюрков и дезинтеграции сохранявшихся элементов социальной системы кочевников на отдельных территориях.

Таким образом, динамика социальной системы раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии в значительной степени определялась спецификой политической ситуации на этих территориях. На формирование и эволюцию общества кочевников предтюркского времени, так и специфика социально-политического устройства могущественного соседа — Поднебесной империи. В свою очередь, тюрки заложили основы для существования Уйгурского и Кыргызского каганатов, определив вектор развития кочевой цивилизации в регионе на несколько столетий.

Библиографический список

1. Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). — Барнаул, 2013.
2. Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. — Новосибирск, 2007.
3. Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. — Томск ; Омск, 2002.
4. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. — Барнаул, 2007.
5. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. — 2011. — Вып. 6.
6. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племен турк (ашина) // Новое в советской археологии. — М., 1965.
7. Серегин Н.Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб., 2012. — Кн. 2.
8. Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. — Барнаул, 2005.
9. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. — 1941. — Вып. 16.
10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л., 1965.
11. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1990.
12. Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. — 1951. — Вып. 1.
13. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М. ; Л., 1960. — Т. I.
14. Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980.
15. Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске. — 1929. — Т. IV. — Вып. 2.
16. Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. — Новосибирск, 1999. — Вып. 2.
17. Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. — 1999. — № 3.
18. Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. — Кемерово, 2008.
19. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. — М., 1996.
20. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. — Астана, 2006.
21. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. — 1971. — Вып. X.
22. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М. ; Л., 1950. — Т. 1.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М. ; Л., 1951.

24. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. — М., 2008.
25. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.
26. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 2002.
27. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). — СПб., 2010.
28. Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Удэ, 2010.
29. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. — Улаанбаатар, 2013.
30. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005.
31. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. — Новосибирск, 1994.
32. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 1997.
33. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 4.
34. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. — Л., 1927.
35. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. — 1957. — № 2.
36. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. — Новосибирск, 2000.
37. Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1999.
38. Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2005. — Кн. II.
39. Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. — Новосибирск, 1998. — Т. I.